DOI: 10.17976/jpps/2022.06.05

НОВЫЙ РЕГИОНАЛИЗМ И СТАРЫЕ ПРОБЛЕМЫ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

И.Д. Звягельская

ЗВЯГЕЛЬСКАЯ Ирина Доновна, доктор исторических наук, профессор, член-корр. РАН, руководитель Лаборатории "Центр ближневосточных исследований", ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, Москва, email: zvyagel@imemo.ru

Звягельская И.Д. 2022. Новый регионализм и старые проблемы Ближнего Востока. *Полис. Политические исследования*. № 6. С. 55-66. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.05

Статья поступила в редакцию: 08.08.2022. Принята к печати: 04.09.2022

Аннотация. Концепция регионализма базируется на культурной, исторической, политической идентификации индивидуумов, народов, государств, лидеров с определенным регионом, а регионализация ассоциируется с институциональным строительством или заключением официальных соглашений, что порой заменяется неформальными связями. На Ближнем Востоке регионализация испытывает воздействие достаточно противоречивых тенденций, поскольку регион всегда считался высококонфликтным, малоподверженным изменениям. Именно конфликты становились системообразующими элементами, по-своему стягивавшими это пространство и обеспечивавшими выстраивание коалиций и альянсов. Внутригосударственные противостояния, большая часть которых приобрела характер быстро интернационализирующихся конфликтов, и общий рост милитаризации по-прежнему присущи Ближнему Востоку. Одновременно все яснее обозначаются тренды к сближению и нормализации отношений между региональными игроками, которые в перспективе, возможно, смогли бы сыграть интеграционную роль. Обращает на себя внимание вовлеченность в эти процессы как государств, так и негосударственных или квазигосударственных акторов. Усиливается самостоятельность региональных лидеров, активизируются малые страны в контексте осознания ими собственных национальных интересов. Фрагментация Ближнего Востока не означает отсутствия внутренних связей и взаимозависимости государств, общих вызовов и попыток выработать групповые стратегии по отдельным вопросам. Наблюдается ситуативное сплочение отдельных организаций, выстраиваются новые логистические и транспортные маршруты, активизируются торгово-экономические отношения между отдельными странами.

Ключевые слова: регионализм, международные отношения, самостоятельность, влияние, конфликты, нормализация, вызовы, ценности, интересы, Ближний Восток.

РЕГИОНАЛИЗМ И ПОДСИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Регионализм становится одним из главных трендов мирового развития. Региональные государственные и негосударственные акторы, сталкиваясь с тем, что универсализация препятствует сохранению культурного многообразия, пытаются выстраивать собственные организующие механизмы. Регионализм может быть как внутригосударственным (это формы этнического национализма, политического сепаратизма), так и межгосударственным (создание альянсов, общих рынков и так далее) [Idris, Kurtbag 2014: 1340]. Внутренняя динамика развития регионов в сочетании с внешним влиянием приводят к созданию постоянно развивающихся и эволюционирующих пространств, что требует междисциплинарного подхода: "Регионы по-прежнему конструируются как феномены пространства, нанизанные на архаичную ось времени. Они не воспринимаются как живые пульсирующие и развертывающиеся явления пространства-времени" [Ильин, Нечаев 2022: 14].

Использование междисциплинарных исследований – в лучшем случае прерогатива больших научных коллективов, что не исключает значимости точечных и более конкретных исследований специфических для того или иного региона трендов. Сложность и подвижность процессов регионализации изучаются современными отечественными и западными исследователями [Воскресенский, Колдунова, Пронин 2012; Прохоренко 2015; Hettne, Söderbaum 2008; Fawcett, Hurrell 1995; Söderbaum, Shaw 2003; Schulz, Söderbaum, Ojendal 2001].

Концепция регионализма с годами менялась: вначале упор делался на интеграционные тенденции, которые влияют на весь регион через новые надгосударственные институты, прежде всего в Европе: "Европейский союз (ЕС) рассматривается как наиболее успешный пример региональной интеграции, а эта 'модель' в значительной степени основана на исключительном 'институциональном' регионализме, где интеграция достигается путем наделения конкретных институтов далеко идущими полномочиями по принятию решений для формирования поведения государств-членов" [Yeo 2010: 324]. Пример европейских институтов считался наиболее успешным, но он вряд ли мог служить главным ориентиром для регионов, обладающих иной культурой и идентичностью. С учетом региональной специфики институциональное строительство или заключение официальных соглашений в условиях конфронтационных отношений между государствами далеко не всегда возможно. Кроме того, наряду с государствами все большую роль в международных отношениях стали играть негосударственные акторы.

Бьёрн Хеттне и Фредрик Зёдербаум, создатели концепции "нового регионализма", отмечают, что в центре анализа должны быть не только государственные субъекты и официальные межгосударственные структуры, но и негосударственные субъекты и то, что иногда называют "негосударственной регионализацией" [Hettne, Söderbaum 2008: 104]. Регионализация и глобализация выступают в таком контексте в качестве взаимосвязанных проявлений общей глобальной трансформации. Выводы Б. Хеттне [Hettne 2003: 22-42] подтолкнули к изучению более широкого круга участников – роли не только институциональных, но и неинституциональных факторов в региональном строительстве и глобальных экономике и политике.

К неинституциональным факторам можно отнести деятельность множества внутрирегиональных сообществ, имеющих собственные цели и интересы. Регионализация, как утверждает профессор *СьянсПо* (Бордо) Даниэль Бах, "учитывает процессы и конфигурации, в которых государства часто не являются ключевыми игроками. Регионализация может коррелировать с реализацией региональных стратегий и трансформироваться в процессы трансграничной интеграции. Регионализация может развиваться независимо от государственной политики, а иногда даже вопреки ее заявленной цели. В Африке, как и в Азии или на Ближнем Востоке, диаспорные сети, связанные с торговлей или трудовой миграцией, не преследуют каких-либо особых целей региональной интеграции. В то же время объединение отдельных стратегий стимулирует трансграничные и межрегиональные интеграционные процессы за счет развития рынков в приграничных районах" [Bach 2018: 345-346].

Приграничная торговля и обмен в зависимости от обстоятельств не всегда легальны, но они могут замещать прерванные конфликтами связи между народами и государствами, сохраняя и поддерживая реально существующие общность и взаимозависимость (в качестве примера приведу неформальные экономические обмены между Сирией и Ливаном). В условиях кризиса все больше функций берут на себя квазигосударственные акторы. Так, Ливану критически не хватает топлива и электроэнергии, и "Хизбалла" – часть поли-

тического механизма и крупный игрок в экономической сфере – восполняет пробел, оставленный государством, импортируя топливо из Ирана[1].

В международных отношениях под регионализацией понимаются такие явления, как возрождение/подъем региональных держав и формирование региональных интеграционных группировок, в том числе и преференциального типа [Воскресенский, Колдунова, Пронин 2012: 107].

Попытки выстроить внутрирегиональные торгово-экономические отношения на Ближнем Востоке предпринимались неоднократно, но в целом уровень хозяйственной интеграции невелик. С 1998 г. идет формирование Панарабской зоны свободной торговли, ПАФТА (*Pan-Arab Free Trade Agreement*), которое пока не завершилось. Несмотря на разногласия, зона свободной торговли все же обеспечила рост товарооборота между странами с 7,6% в 2002 г. до 16,3% в 2017 г. [Федорченко 2020]. Агадирское соглашение, подписанное в 2004 г. между Марокко, Иорданией, Тунисом и Египтом, также направлено на стимулирование свободной торговли[2]. Наконец, можно упомянуть Организацию арабских стран – экспортеров нефти (ОАПЭК)[3], основные функции которой были затем поглощены ОПЕК. В то же время порой "преимущественное внимание экспертов к политико-институциональным аспектам проектов регионального интеграционного сотрудничества заслоняет долгий, сложный, разноуровневый нелинейный процесс строительства международно-политического региона с участием в том числе негосударственных акторов и с использованием неформальных институтов и практик" [Прохоренко 2015: 22].

Много лет Ближний Восток рассматривался как фрагментированный регион, где господствуют авторитарные режимы и доминирует традиционное общество, а изменения происходят медленно, затрагивая лишь отдельные социальные страты. В последнее десятилетие представление, будто весь мир меняется, а ближневосточный регион остается неизменным (концепция арабской исключительности [Stepan, Robertson 2004]), было подорвано, если не дискредитировано. Утверждения, что приверженность статус-кво сохраняется прежде всего во внешней политике [Korany 2013: 78], тоже подлежит пересмотру, поскольку, несмотря на конфликтность, явно обозначился тренд к налаживанию новых отношений.

Среди факторов, способствующих сближению или взаимному отталкиванию региональных игроков, можно выделить следующие:

1. Усиление самостоятельности влиятельных ближневосточных государств – Ирана, Турции, Саудовской Аравии, Израиля, к которым подтягивается ранее ослабленный, а ныне быстро набирающий вес Египет.

2. Активизация малых государств, традиционно находившихся под влиянием более мощных игроков (ОАЭ, Катар).

3. Укрепление квазигосударственных акторов ("Хизбалла", "ХАМАС").

4. Появление общих проблем безопасности, несмотря на разделяющие конфликты. Так, системообразующий палестино-израильский конфликт, продолжая оказывать дестабилизирующее воздействие на регион, все меньше влияет на расстановку сил и состав противоборствующих коалиций.

5. Формирование тенденций к нормализации и деэскалации.

6. Выстраивание логистической и транспортной взаимосвязанности.

[1] Iskandarani A. Hezbollah supporters celebrate as tankers carrying Iranian fuel arrive in Lebanon. *The National News*, 16.09.2021. https://www.thenationalnews.com/mena/iran/2021/09/16/trucks-carrying-iranian-fuel-arrive-in-lebanon (accessed 04.07.2022).

[2] Agadir Agreement. https://www.bilaterals.org/?-agadir-agreement-&lang=en (accessed 11.09.2022).

[3] *Organization of Arab Petroleum Exporting Countries*.

Процессы, формирующие подсистему международных отношений на Ближнем Востоке, частично идут в русле традиционных для региона тенденций, но порой существенно корректируют их и приводят к неожиданным результатам. Рассмотрим далее основные направления трансформации роли региональных акторов и связей.

МЕЖДУ АКТИВИЗМОМ И ЗАВИСИМОСТЬЮ

Активизацию политических процессов в регионе многие исследователи связывают с последствиями "арабской весны", ослабившей ряд государств, ранее обладавших существенным весом – Египет, Тунис, Ливию, Сирию. Их место заняли Саудовская Аравия, Катар и ОАЭ [Мелкумян 2016: 55]. Амбиции арабских монархий Персидского залива производны от их особого места в мировом хозяйстве в качестве экспортеров энергоресурсов. Речь идет как о формальных показателях, так и об их самопозиционировании как государств, верных традициям, но при этом ставящих перед собой цели, среди которых важнейшее место отводится развитию человеческого капитала.

Такая установка была бы невозможна без коррективов ранее существовавших представлений о роли и месте этих государств на мировой арене, без осознания ими собственной значимости и субъектности. Претензии на самостоятельность стран, воспринимавшихся сильными соседями как более слабые и подчиненные, не могли не приводить к конфликтам, порожденным в том числе традиционными представлениями об иерархии. Примером острого и затяжного конфликта в рядах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива может служить противостояние в 2017-2021 гг. Катара и других членов Совета во главе с Саудовской Аравией, а также ряда не входящих в Совет сотрудничества арабских государств (Египет, Иордания, Мальдивы, Коморские острова и др.). Катар был обвинен в поддержке терроризма и экстремизма (имелись в виду прежде всего "Братья-мусульмане"*[4]), во вмешательстве в дела арабских государств, чему, в частности, способствовали критические обзоры "Аль-Джазиры"[5]. Жесткий бойкот способствовал сплочению, укреплению национальной идентичности катарцев и международной роли Дохи. Об этом свидетельствовала и активность Катара в контексте афганской ситуации и возвращения к власти "Талибана"* в 2021 г. Поддержание политических связей с талибами, предоставление площадки для переговоров с ними были призваны помочь решению задач, направленных не только на развитие отношений с новыми афганскими властями, но и в более широком политическом плане на поддержание тесных связей Дохи с США, а также диалога со странами ЕС. При этом Катар не собирался становиться адвокатом "Талибана"*, он критикует несоблюдение прав человека и отношение талибов к женщинам[6], а его новая стратегия говорит о готовности играть значимую роль за пределами Залива.

Аналогичные цели ставят перед собой и ОАЭ, внешнюю политику которых характеризуют прагматизм и самостоятельность: "Расширение портфолио военно-политических и экономических активов является не только средством обеспечения собственной безопасности и реализации амбициозных планов развития, но и способом повышения престижа и наращивания влияния на международной арене" [Тюкаева 2021: 674].

[4] Здесь и далее * означает запрещенную в России террористическую организацию.

[5] Qatar row: Saudi and Egypt among countries to cut Doha links. *BBC News*, 05.06.2017. https://www.bbc.co.uk/news/world-middle-east-40155829 (accessed 16.06.2022).

[6] Катар призвал талибов соблюдать права женщин. *РБК*, 13.09.2021. https://www.rbc.ru/rbcfreenews/613f4ccb9a7947d9b4a854fb (accessed 12.09.2022).

"Независимую политику" вместе с тем можно считать понятием относительным. Даже самые мощные государства Ближнего Востока ощущают давление извне, прежде всего со стороны Запада. Они пытаются сопротивляться, продолжая балансировать и соглашаясь на уступки.

Показателен ответ ряда стран региона на политику Запада, прежде всего США, в контексте украинского кризиса. Международная организация, известная как *Crisisgroup*, подготовила исследование, посвященное развитию социально-экономической ситуации на Ближнем Востоке в связи с глобальным кризисом и его последствиями. В нем указывается на уязвимость ряда государств региона, зависящих от импорта продовольствия и энергоносителей. Однако есть страны, которые сами экспортируют углеводороды и чувствуют себя достаточно уверенно. Уязвимость и относительная самодостаточность определяют модели поведения – готовность сопротивляться внешнему давлению или, напротив, попытки примкнуть к большинству. Поддержка западной позиции осуждения российской операции на Украине в ходе голосования на Генеральной Ассамблее ООН "часто была результатом дипломатического давления Запада – как в случае с Египтом и Объединенными Арабскими Эмиратами, – а не подлинного, добровольного согласия"[7].

Наиболее влиятельные региональные страны пытались обозначить собственный, отвечающий их интересам подход. Ряд государств Залива, оставаясь американскими партнерами, развивают отношения с Россией и вовсе не заинтересованы в том, чтобы отказаться от диверсификации связей. Так, попытки США использовать свои "особые отношения" с нефтедобывающими арабскими странами и побудить их увеличить добычу не сразу дали результаты. Наследный принц Саудовской Аравии даже отказался в марте 2022 г. отвечать на телефонный звонок президента Байдена[8] и заявил, что королевство привержено соглашению ОПЕК+ с Россией, которое ограничивает увеличение добычи до 400 000 баррелей в месяц[9]. ОАЭ были менее категоричны. И Саудовская Аравия, и Россия являются заинтересованными сторонами в ОПЕК+. Неслучайно генеральный секретарь ОПЕК Мохаммед Баркиндо предупредил ЕС, что будет невозможно заменить более 7 млн баррелей в день российской нефти и нефтепродуктов[10].

Визит президента США Байдена в Саудовскую Аравию в июле 2022 г. не привел к обещанию саудовцев немедленно увеличить добычу[11]. Более того, в сентябре страны ОПЕК и партнеры заявили о сокращении добычи в октя-

[7] The impact of Russia's invasion of Ukraine in the Middle East and North Africa. *International Crisis Group*, 14.04.2022. https://www.crisisgroup.org/middle-east-north-africa/impact-russias-invasion-ukraine-middle-east-and-north-africa (accessed 14.05.2022).

[8] Saudi, Emirati leaders decline calls with Biden during Ukraine crisis. *The Wall Street Journal*, 08.03.2022. https://www.wsj.com/articles/saudi-emirati-leaders-decline-calls-with-biden-during-ukraine-crisis-11646779430 (accessed 12.09.2022).

[9] Saudi crown prince says Kingdom still committed to OPEC oil agreement with Russia. *S&P Global Commodity Insights*, 27.02.2022. https://www.spglobal.com/commodityinsights/en/market-insights/latest-news/oil/022722-saudi-crown-prince-says-kingdom-still-committed-to-opec-oil-agreement-with-russia (accessed 08.07.2022).

[10] OPEC warns EU it's impossible to replace Russian. *Energy Connects*, 12.04.2022. https://www.energyconnects.com/news/oil-and-gas/2022/april/opec-warns-eu-it-s-impossible-to-replace-russian-oil (accessed 02.05.2022).

[11] Holland S., El Yaakoubi A., Renshaw J. Biden hopes for more oil and Israeli integration at Arab summit in Saudi. *Reuters*, 17.07.2022. https://www.reuters.com/world/middle-east/biden-hopes-more-oil-israeli-integration-arab-summit-saudi-2022-07-16 (accessed 17.07.2022).

бре[12], а затем анонсировали сокращение добычи на 2 млн баррелей в сутки с ноября. Саудовская Аравия ведет переговоры с Китаем о частичной оплате поставок нефти в юанях[13] и о строительстве завода по переработке урана в Аль Ула[14].

Эр-Рияд мог бы обсуждать перезагрузку саудовско-американских отношений при условии сворачивания в США резкой критики в политических заявлениях и в СМИ[15]. Тем более что Вашингтон пытается расширить военную координацию между арабскими союзниками и Израилем, и здесь Эр-Рияду отводится важная роль. Однако, как писал американский политик и специалист по Ближнему Востоку Аарон Миллер, "Байден, скорее всего, знает, что во всяком случае при МБС (Мухаммеде бин Салмане. – *И.З.*) Саудовская Аравия, похоже, останется непредсказуемым партнером, интересы которого эпизодически совпадают с американскими, но ценности – никогда"[16].

Израиль позиционирует свою политику как пример независимого поведения, продиктованного стремлением ставить во главу угла собственные интересы. Вместе с тем в напряженной ситуации фактор американского воздействия порой становится решающим. Можно напомнить, что с начала украинского кризиса Иерусалим попытался занять относительно сбалансированную позицию, исходя из нежелания портить отношения с РФ. Со временем балансирование становилось для израильской элиты все более сложным. С одной стороны, ее тревожили внутриполитические вызовы – все большая хрупкость правящей коалиции и сокращение контролируемых ею мест в Кнессете, а с другой – необходимость координировать свою внешнюю политику со стратегическим союзником. Поворотным пунктом, видимо, стало приглашение Израиля на саммит НАТО на авиабазе "Рамштайн" в Германии в апреле 2022 г.[17] Оно вызвало негативную реакцию в России, которая была усилена в ответ на израильские бомбардировки объектов в Сирии, включая аэропорт в Дамаске.

"Иерусалимская декларация", подписанная президентом США и израильским премьер-министром в июле 2022 г., подтвердила приверженность Соединенных Штатов безопасности Израиля, в частности обязательству не позволить Ирану приобрести ядерное оружие, для чего Вашингтон готов использовать все элементы своей национальной мощи[18]. На практике такого рода обязательства стратегического союзника требуют ответных шагов и мо-

[12] OPEC and allies to cut oil output in October; gas prices jump after Russia pipeline closure – as it happened. *The Guardian*, 05.09.2022. https://www.theguardian.com/business/live/2022/sep/05/euro-low-sterling-gas-prices-russia-shutdown-opec-markets-business-live (accessed 08.09.2022).

[13] Бирюков М. WSJ сообщила о переговорах Саудовской Аравии с Китаем о продаже нефти за юани. *Forbes*, 15.03.2022. https://www.forbes.ru/biznes/459139-wsj-soobsil-o-peregovorah-saudovskoj-aravii-s-kitaem-o-prodaze-nefti-za-uani (accessed 11.06.2022).

[14] Bhadrakumar M.K. US' coercive diplomacy with Saudi Arabia. *Indian Punchline*, 06.05.2022. https://www.indianpunchline.com/us-coercive-diplomacy-with-saudi-arabia (accessed 08.05.2022)

[15] Сурков Н. Саудовская Аравия и США: возможна ли перезагрузка отношений. *РСМД*, 04.05.2022. https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/saudovskaya-araviya-i-ssha-vozmozhna-li-perezagruzka-otnosheniy/ (accessed 03.07.2022).

[16] Miller A.D. What Biden needs to get if MBS wants to reconcile CNN. https://edition.cnn.com/2022/05/05/opinions/joe-biden-saudi-arabia-reconciliation-miller/index.html (accessed 15.05. 2022).

[17] Израиль принял участие в саммите на базе "Рамштайн". https://mignews.org/news/politic/izrail-prinyal-uchastie-v-sammite-na-baze-ramshtajn.html (accessed 20.06.2022).

[18] The Jerusalem U.S.-Israel Strategic Partnership Joint Declaration. https://www.gov.il/en/departments/news/israel-us-sign-joint-declaration-on-strategic-partnership-14-jul-2022 (accessed 16.07.2022).

гут означать еще большее сужение возможностей для сохранения Израилем собственных подходов к международным проблемам.

Примером попыток балансирования для реализации собственных интересов может служить политика Турции. Приобретение Турцией российских С-400 рассматривалось НАТО как вызов. Анкара использовала в своих интересах стремление Швеции и Финляндии войти в НАТО, выступив против их членства в попытках добиться от них важных для себя уступок. В то же время заинтересованность в развитии связей с Россией определила нежелание Анкары следовать в фарватере западной санкционной политики.

Политика Турции неоднозначна. С одной стороны, она предприняла меры по нормализации отношений с Саудовской Аравией, ОАЭ и Израилем. С другой, ее отношения с Ираком, Сирией и Грецией явно обостряются[19]. Турция при этом имеет интересы в регионе, которые непосредственно затрагивают ее отношения с Россией. Она, например, проводит довольно жесткую линию на северо-востоке Сирии с тем, чтобы обеспечить влияние и контроль в курдских районах. С учетом присутствия России в Сирии политика турецкого руководства может осложнить реализацию Москвой своих обязательств.

Особую роль в регионе играет Иран. Он воспринимает свои позиции как очень уязвимые, сталкиваясь с враждебностью Израиля и других стран, а на глобальном уровне – со стремлением США сменить режим. Иранское руководство в таких условиях ставит во главу угла интересы безопасности, формирующие его внешнеполитический курс в регионе и за его пределами.

В условиях роста международной напряженности Ближний Восток испытывает воздействие глобальных трансформаций. Требования ассоциирования с западным полюсом определяют сложности маневрирования для отдельных ближневосточных государств, препятствуют стремлению реализовывать собственные интересы.

ОТ ОСТОРОЖНОГО СБЛИЖЕНИЯ К ПОДПИСАНИЮ СОГЛАШЕНИЙ

Противоречивые тенденции современной регионализации на Ближнем Востоке включают попытки деэскалации отношений между оппонентами.

Наиболее заметное место занимают так называемые соглашения Авраама, которые включают мирные договоры Израиля с ОАЭ и Бахрейном, заключенные в сентябре 2020 г., а также с Марокко и Суданом [Звягельская 2021]. В основе новых отношений Израиля с арабскими монархиями Залива лежали опасения, касающиеся политики Ирана в регионе.

Хотя арабо-израильские соглашения мыслились как возможность обеспечения более эффективного сдерживания Ирана, однако здесь нет полного совпадения подходов обеих сторон. Для израильского руководства принципиальное значение имеет ядерная программа Ирана, которая в случае успешного завершения подорвала бы израильскую монополию на ядерное оружие в регионе, но при этом его позиция в отношении Совместного всеобъемлющего плана действий всегда оставалась амбивалентной. Как писал бывший израильский дипломат Алон Пинхас, “Израиль всегда был против, но ‘против’ – это сложное понятие. Вкратце, политика предельно ясна: Израиль был против соглашения, но также и против выхода США из соглашения, даже несмотря на то, что он сам подтолкнул Соединенные Штаты к выходу из соглашения... Теперь Израиль выступает против соглашения, но также и против отсутствия

[19] Dorsey J. In Turkey, zero problems with neighbours mean multiple problems. https://jamesmdorsey.substack.com/p/in-turkey-zero-problems-with-neighbours?utm_source=email (accessed 08.09.2022).

соглашения, против которого он выступает... Израиль с самого начала был против ядерной сделки, поскольку утверждал, что это было плохое соглашение... Но Израиль также был против отсутствия соглашения, потому что это так же плохо, как плохое соглашение, а может быть, и хуже... Израиль, естественно, был против возобновления соглашения, потому что оно так же плохо, как и первоначальное соглашение, против которого выступал Израиль"[20].

Арабские монархии значительно больше были сосредоточены на региональной политике Ирана и задействовании им прокси. Именно здесь их интересы совпадают с израильскими. Израильские вооруженные силы, пытаясь не допустить дальнейшего укрепления позиций Ирана вблизи собственных границ и ослабить его союзников, наносят регулярные удары по иранским объектам в Сирии и Ираке. Увеличилось число нападений на автоколонны и склады оружия[21].

Ценность Израиля для арабских государств не ограничена сдерживанием Ирана. Нормализовавшие отношения с Израилем страны рассматривают их как шанс улучшить свое положение в Вашингтоне или считают, что Израиль может частично компенсировать то, что они не получили от США[22].

Отношения углубились за счет расширения взаимодействия в сфере безопасности, транспорта, торгово-экономических связей. Например, в феврале 2022 г. Израиль подписал соглашение с Бахрейном, в частности о координации разведывательной деятельности, о совместных учениях и сотрудничестве в сфере производства вооружений[23]. Тогда же появились сообщения о возможностях продажи ОАЭ израильской системы перехвата ракет "Железный купол"[24]. Регион становится пространственно более единым. Иерусалим и Амман подписали соглашение об открытии новых маршрутов полетов и сокращении времени полетов между странами Персидского залива, Дальним Востоком и Азией, Европой и Северной Америкой. Появились маршруты из Ирака, Катара и Саудовской Аравии, а также ОАЭ и даже один путь над Ираном, который будет использоваться для рейсов из Китая. Рейсы из Бахрейна и ОАЭ, а также из многих других стран смогут летать над израильским воздушным пространством в Европу и Северную Америку и обратно[25].

Вместе с тем израильская военная активность по сдерживанию Ирана может привести к позиционированию "Соглашений" как антииранской коалиции, что не устраивает их участников. За исключением Бахрейна, все государства – участники саммита по безопасности и развитию в Джидде

[20] Pinkas A. The U.S. can live without an Iran nuclear deal. Can Israel? *Haaretz*, 27.05.2022. https://www.haaretz.com/israel-news/2022-05-27/ty-article/.premium/the-u-s-can-live-without-an-iran-nuclear-deal-can-israel/00000181-0578-d090-abe1-e57d1ab30000 (accessed 28.05.2022).

[21] Golan Heights and South/West Syria. *International Crisis Group*, 10.06.2022. https://www.crisisgroup.org/trigger-list/iran-us-trigger-list/flashpoints/golan-heights (accessed 30.06.2022).

[22] Makovsky D. A new regional role for Israel, as Washington shows signs of stepping back. *The Times of Israel*, 28.03.2022. https://blogs.timesofisrael.com/israels-new-role-in-the-middle-east-easing-the-arabs-way-in-washington/?utm_source=The+Daily+Edition&utm_campaign=daily-edition-2022-03-28&utm_medium=email (accessed 27.06.2022).

[23] Bassist R. Israel signs security cooperation agreement with Bahrain. *Al-Monitor*, 03.02.2022. https://www.al-monitor.com/originals/2022/02/israel-signs-security-cooperation-agreement-bahrain (accessed 18.05.2022).

[24] Israel said ready to sell Iron Dome to UAE, build regional defenses against Iran. *The Times of Israel*, 01.02.2022. https://www.timesofisrael.com/israel-said-ready-to-sell-iron-dome-to-uae-build-regional-defenses-against-iran (accessed 03.06.2022).

[25] Blumenthal I. From Friday: Iraq and Saudi-bound planes in Israeli airspace. *Y Net News*, 10.08.2020. https://www.ynetnews.com/article/S1kFmKhUD (accessed 25.02.21).

в июле 2022 г. (а также Иордания и Египет) дипломатически взаимодействуют с Тегераном . Катар и Оман имеют экономические и политические отношения с Тегераном и взаимодействуют с ним в области безопасности. Ирак позиционирует себя в качестве посредника в региональной дипломатии[26].

ОАЭ в конце августа 2022 г. приняли решение о возвращении своего посла в Тегеран[27]. Эмираты – один из важных торгово-экономических партнеров Ирана. Товарооборот между ними составлял в 2021 г. 14,1 млрд долл., а в 2022 г. должен достичь 20 млрд долл.[28] Саудовская Аравия с апреля 2021 г. ведет с Ираном переговоры об обеспечении большей предсказуемости в Заливе и по проблемам конфликта в Йемене. Они привели к возобновлению представительства Ирана при Организации исламского сотрудничества[29]. Глубинные причины враждебности сохраняются, но поддержание диалога может стать прологом к снижению напряженности в регионе.

Идущие в регионе процессы сближения и деэскалации, как представляется, следствие опасений государств относительно возможности широкомасштабных столкновений. В отсутствие региональных механизмов контроля и предупреждения их можно рассматривать как своего рода попытки усилить безопасность отдельных государств и обеспечить бо́льшую предсказуемость ситуации за счет новых связей и обязательств.

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОНФЛИКТОВ

Конфликты не только считаются важной характеристикой Ближнего Востока, но и определяют общерегиональную расстановку сил, состояние институтов, влияют на содержание процессов регионализации. Постепенно они меняют свою иерархию и природу. Межгосударственные конфликты сохраняются (вспомним недавний конфликт между Катаром и другими арабскими государствами, противостояние с Ираном), но на первый план все же выходят быстро интернационализирующиеся внутригосударственные столкновения. “Арабская весна” послужила спусковым крючком для кризисов в Ливии и Сирии. Начался новый этап гражданской войны в Йемене, погружается во все более глубокий кризис отягощенный внутренними проблемами Ливан, увеличилось число “несостоявшихся государств”. Периодически переходит в кризисные стадии и палестино-израильский конфликт.

Вместе с тем постепенная маргинализация палестинской проблемы в арабской повестке дня отмечается на протяжении многих лет – ее постепенно заслоняют или вытесняют иные вызовы и угрозы. Тем не менее именно палестинская проблема используется арабскими лидерами и отдельными государствами (прежде всего Турцией и Ираном) для привлечения внимания к собственной принципиальной политике. Религиозный аспект палестинского вопроса все больше акцентируют квазигосударственные акторы, такие как

[26] Haghirian M., Toivanen H. The regional diplomacy taking place in the Persian Gulf must not be dismissed. *Al Sharq Strategic Research*, 27.07.2022. https://research.sharqforum.org/2022/07/27/the-persian-gulf-2 (accessed 07.08.2022).

[27] United Arab Emirates reinstates ambassador to Iran after six-year absence. *The Guardian*, 22.08.2022. https://www.theguardian.com/world/2022/aug/22/united-arab-emirates-reinstates-ambassador-to-iran-after-six-year-absence (accessed 20.09.2022).

[28] Trade between Iran-UAE expected to hit $20b by Mar. 2022. *Tehran Times*, 16.06.2021. https://www.tehrantimes.com/news/462057/Trade-between-Iran-UAE-expected-to-hit-20b-by-Mar-2022 (accessed 08.09.2022).

[29] Иранские дипломаты возобновляют работу в Саудовской Аравии впервые за шесть лет. *Islam Today*, 17.01.2022. https://islam-today.ru/novosti/2022/01/17/iranskie-diplomaty-vozobnovlaut-rabotu-v-saudovskoj-aravii-vpervye-za-sest-let (accessed 18.03.2022).

"ХАМАС" с палестинской стороны, или более или менее институционализированные радикальные поселенцы со стороны Израиля.

Палестинская проблема относится к конфликтам ценностей – враждующие стороны разделены историческими нарративами, символами, религией и идеологией. Относительное снижение ее значимости может свидетельствовать о том, что все большую роль начинают играть конфликты интересов. Ценностные элементы конфликтов, разумеется, не исчезли (межконфессиональные разногласия по-своему определяют их остроту) и используются оппонентами инструментально. Речь идет не о доктринальных противоречиях, а о попытках задействовать конфессиональные различия для оказания влияния на отдельные общины внутри государств-противников, создания прокси и т.п.

Хотя формально конфликты интересов легче поддаются урегулированию, поскольку поиск компромисса идет в русле более или менее прагматичных подходов, а не в рамках несовпадающих нарративов, в случае внутригосударственных конфликтов вопросы раздела власти между игроками приобретают для них не только практический интерес (обеспечение доступа к власти и ресурсам), но иногда и экзистенциональное измерение. Сохранение всей полноты контроля в руках оппонентов может гарантировать полное политическое или даже физическое устранение с политической арены.

В арабских государствах, ставших жертвами гражданской войны с вовлечением внешних игроков, порой отсутствуют не только институты, способные сформулировать повестку дня для каждой из сторон конфликта, но и культура компромисса: "Речь может идти о закрепленных в культуре общественно-политических практиках, постоянно воспроизводимых на протяжении длительного времени, о стабильных, хотя и эволюционирующих цивилизационных матрицах..." [Наумкин, Кузнецов 2019: 49]. Эти элементы региональной политической идентичности проявляются также во взлете исламистских ультрарадикальных террористических организаций: их активность придает конфликтам особую бескомпромиссность и жестокость.

Попытки достижения соглашений во внутригосударственных конфликтах имеют место, но они чаще всего становятся недолговечными. Примером служит, в частности, периодически обостряющаяся ситуация в Ливии. В Йемене в начале апреля 2022 г. было объявлено о двухмесячном общенациональном перемирии[30], но оно оставалось крайне хрупким.

Подсистема международных отношений на Ближнем Востоке всегда отличалась дефицитом безопасности. Внутригосударственные конфликты стали результатом формирования национальной государственности, подверженной влиянию межэтнических, трайбалистских, конфессиональных, а также исторических факторов. Активная вовлеченность в них других региональных государств (наряду с глобальными) свидетельствует о повышении значимости прокси-войн, которые могут рассматриваться оппонентами как "более безопасный" и оптимальный способ усиления влияния. Сдвиг в сторону такого рода конфликтов не исключает сохранения старых и появления новых межгосударственных конфликтов.

* * *

Регионализация на Ближнем Востоке подвержена воздействию довольно противоречивых тенденций. Высокий уровень конфликтности, веду-

[30] Шарапов А. Йемен: конец перемирия? *REX*, 30.06.2022. https://iarex.ru/articles/86092.html (accessed 02.07.2022).

щий к фрагментации региона, сосуществует с тенденциями к сближению. Обращает на себя внимание вовлеченность в эти процессы как стран, так и негосударственных или квазигосударственных акторов. Проявляется и тенденция к росту самостоятельности местных игроков. Так, развитие отношений с США, ЕС, Россией и Китаем не означает принципиального снижения их зависимости от внешних сил, но позволяет действовать более раскованно.

Несмотря на особую роль традиции и религии, модернизационные тренды проявляются даже в наиболее консервативных государствах, где к власти пришло новое поколение правителей, заинтересованное в развитии и конкурентоспособности своих обществ. Ближний Восток выступает как все более динамично развивающаяся подсистема международных отношений, участники которой стремятся, получая поддержку извне, реализовывать собственные интересы, рассматривая (сознательно или интуитивно) идущие процессы регионализации как средство достижения этой цели.

DOI: 10.17976/jpps/2022.06.05

NEW REGIONALISM AND OLD ISSUES IN THE MIDDLE EAST

I.D. Zvyagelskaya[1]

[1] *Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences. Moscow, Russia*

ZVYAGELSKAYA, Irina Donovna, Dr. Sci. (Hist.), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Middle East Studies Center, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, Moscow; email: izvyagelskaya@yandex.ru

Zvyagelskaya, I.D. (2022). New regionalism and old issues in the Middle East. *Polis. Political Studies*, 6, 55-66. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.05

Received: 08.08.2022. Accepted: 04.09.2022

Abstract. The concept of regionalism is based on identity, i.e. the cultural, historical, political association of individuals, peoples, states, leaders with a certain region. Regionalization is associated with institution-building or the conclusion of formal agreements which are sometimes substituted or supplemented by informal ties. The article analyzes the processes of regionalization in the Middle East. Regionalization in the Middle East is affected by contradictory trends. The Middle East has always been considered a highly conflict-prone zone, little affected by changes in the external environment. The conflicts themselves have become the system-forming elements, which in their own way tightened this space and ensured the building of coalitions and alliances. Modern conflicts, most of which have become rapidly internationalizing intra-state confrontations, and the general increase in militarization are still eminent characteristics of the Middle East subsystem of international relations. At the same time, the trends towards the rapprochement of individual opponents and normalization are becoming clearer, and their further development could possibly play an integration role in the future. The involvement of both states and non-state or quasi-state actors in these processes is noteworthy. There is a growing independence of the leading regional states as well as an activation of small countries driven by their national interests. The continued fragmentation of the Middle East cannot be equaled to the absence of common features of regional identity and interdependence of states. It also does not exclude the attempts of different parties to develop group strategies in response to common challenges. The building of new logistics and transport routes, the expansion of trade and economic relations between individual countries have all contributed to the regionalization of the Middle East.

Keywords: regionalism, international relations, independence, influence, conflicts, normalization, challenges, values, interests, Middle East.

References

Bach, D. (2018). Europe within the world of regionalisms. *Przegląd Strategiczny,* 11, 345-354. https://doi.org/10.14746/ps.2018.1.24

Fawcett, L. & Hurrell, A. (1995). Regionalism in world politics: regional organization and international order. Oxford: Oxford University Press.

Hettne, B. (2003). The new regionalism revisited. In F. Söderbaum, & T. Shaw (Ed.), *Theories of New Regionalism* (pp. 22-42). Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Hettne, B. & Söderbaum, F. (2008). The future of regionalism: old divides, new frontiers. In F.C. Andrew, W.H. Christopher, & F. De Lombaerde (Ed.), Regionalisation and global governance. The taming of globalisation? Oxon: Routledge, 97-128

Idris, A., & Kurtbag, O. (2014). A non-regional perspective on bilateral relations between states from different regions: a case study of Malaysia-Saudi Arabia relations. *Middle-East Journal of Scientific Research,* 22(9), 1339-1352.

Korany B. (2013). The Middle East since the Cold War: Initiating the fifth wave of democratization. In L. Fawcett (Ed.), *International Relations of the Middle East* (pp. 77-102). Oxford: Oxford University Press.

Schulz, M., Söderbaum, F., & Ojendal, J. (2001). Introduction: a framework for understanding regionalization. In M. Schulz, F. Söderbaum, & J. Ojendal (Ed.). *Regionalisation in a Globalizing World. A Comparative Perspective on Actors, Forms and Processes* (pp. 1-42). London: Zed.

Söderbaum, F., & Shaw, T. (Ed.) (2003). Theories of New Regionalism. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Stepan, A., & Robertson, G. (2004). Arab, not Muslim, exceptionalism. *Journal of Democracy,* 15(4), 140-146. https://doi.org/10.1353/jod.2004.0067

Yeo, L.H. (2010). Institutional regionalism versus networked regionalism: Europe and Asia compared. *International Politics,* 47, 324-337. https://doi.org/10.1057/ip.2010.18

Fedorchenko A.V. (2020). Integration at Middle East. *Mirovoe i nacional'noe hozyajstvo*, 3. (In Russ.) https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-03/integraciya-na-blizhnem-i-srednem-vostoke

Ilyin, M.V., & Nechayev, V.D. (2022). Challenges and prospects of study of the Greater Mediterranean. *Polis. Political Studies*, 4, 8-23. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.02

Melkumyan, E.S. (2016). New trends in the policy of the GCC in the period of regional transformation. *Vestnik of the Nizhni Novgorod University,* 4, 55-63. (In Russ.)

Naumkin, V.V., & Kuznetsov, V.A. (2019). Deja vu: Medieval motifs in modern Arab political life. *Vestnik of MGIMO University*, 12(4), 38-53. (In Russ.) https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-38-53

Prokhorenko, I.L. (2015). The new regionalism and the world order transformation. *Pathways to Peace and Security*, 2, 20-28. (In Russ.)

Tyukayeva, T.I. (2021). The Eastern Mediterranean in the UAE foreign policy: goals and principles. *Vestnik RUDN: International Relations,* 21(4), 671-682. (In Russ.) https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-671-682

Voskresenskiy, A.D., Koldunova, E.V., & Pronin, E.A. (2012). Regionalization in international relations. In A.V. Torkunov, & A.V. Malgin (Ed.), *Contemporary International Relations* (pp. 103-116). Moscow: Aspect Press. (In Russ.)

Zvyagelskaya, I.D. (2021). The Arab-Israeli rapprochement: a search for a new normality? *Vostok (Oriens)*, 3, 109-120. (In Russ.) https://doi.org/10.31857/S086919080015114-2

Литература на русском языке

Воскресенский А.Д., Колдунова Е.В., Пронин Е.А. 2012. Регионализация в международных отношениях. *Современные международные отношения*. Под ред. А.В. Торкунова, А.В. Мальгина. М.: Аспект Пресс. С. 103-116.

Звягельская И.Д. 2021. Арабо-израильское сближение: в поисках новой нормальности? *Восток. (Oriens)*. № 3. С. 109-120. https://doi.org/10.31857/S086919080015114-2

Ильин М.В., Нечаев В.Д. 2022. Вызовы и перспективы изучения Большого Средиземноморья. *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 8-23. https://doi.org/10.17976/jpps/2022.03.02

Мелкумян Е.С. 2016. Новые тенденции в политике ССАГЗ в период региональной трансформации. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. № 4. С. 55-63.

Наумкин В.В., Кузнецов В.А. 2019. Дежавю: средневековые мотивы в современной арабской политической жизни. *Вестник МГИМО-Университета*. Т. 12. № 4. С. 38-53. https://doi.org/10.24833/2071-8160-2019-4-67-38-53

Прохоренко И.Л. 2015. Новый регионализм и трансформация международного порядка. *Пути к миру и безопасности*. № 2. С. 20-28.

Тюкаева Т.И. 2021. Восточное Средиземноморье во внешней политике ОАЭ: цели и принципы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. Т. 21. № 4. С. 671-682. https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-671-682

Федорченко А.В. 2020. Интеграция на Ближнем и Среднем Востоке. *Мировое и национальное хозяйство*. № 3. https://mirec.mgimo.ru/2020/2020-03/integraciya-na-blizhnem-i-srednem-vostoke